

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

Copyright notice for SCARY STORIES FOR YOUNG FOXES:
THE CITY shall read

© 2021 by Christian McKay Heidicker
Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC.

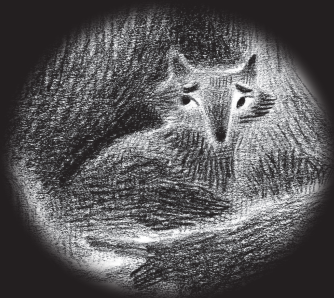
ХАЙДИКЕР КРИСТИАН МАККЕЙ

Страшные истории
для
Маленьких
лисят

Большой
ГОРОД

иллюстрации
Цзюньи У

*Посвящается К. Чемберсу,
который нашёл меня в лесу
и повёл вглубь*

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЫЙ САРАЙ.....	19
УЛИЦА ГОТОРНА.....	75
ГРОБНИЦА	143
ВЕТЕРИ	143
ТА-ДА БАХ! ТА-ДА БАХ!.....	203
БЕШЕННЫЕ СОБАКИ.....	235
В ДОМЕ ШЁЛКА И ЛАДАНА	279
РЕЗИНОВЫЕ РУКИ.....	329
ЛИСИЙ ОГОНЬ	377

В ЛЕС ОЛЕНЬЕГО РОГА пришла зима.

По небу рассыпались тучи, тёмные-претёмные. Морозящая серость их лиц менялась от ветра. Они глумились и горевали, гоготали и плакали, высасывая из воздуха тепло, высушивая последнюю зелень. Они разевали рты шириной в целые мили и опорожняли свои студёные глотки.

Тучи утопили в белом весь мир.

Кролики жались друг к другу в норах. Белки забились в дупла. Олени искали убежища под ветками сосен, опасаясь, как бы глумливые лица бури не заметили их и не прикончили ледяными когтями. В лесу настала такая смертная тишина — ни одно живое существо не осмеливалось её нарушить.

Разумеется, ни одно живое существо, кроме лис.

Трое лисёнышей весело бежали сквозь первый обильный снегопад, усами и лапами открывая для себя снег. Они прыгали по морозным перьям и с приятным ледяным хрустом под лапами гонялись друг за другом, бороздя нетронутый снежный покров вдоль и поперёк, как умеют только лисы.

— Я умею вызывать метель! — крикнула альфа. Она уцепилась за ветку и обрушила на голову брату и сестре снежную лавину.

— А я — снежную ящерицу! — крикнула бета, упала животом в белое, вывернула лапы и поползла, оставляя позади глубокий след.

Недоросток посмотрел, как сёстры одними мордами повелевают зимой, и без всякого плана о том, что произойдёт дальше, тоже сунул лицо в снег. Снежинки забили нос, и недоросток чихнул ледяными брызгами.

— Нет уж! — воскликнул недоросток и, шурясь, попытался отряхнуть снежинки с лица. — Гадость какая! Пойдёмте обратно в нору! Пойдёмте навсегда обратно в нору!

Альфа запыхтела, выпуская в морозный воздух облачка пара:

— Мама сказала, чтоб даже лапы нашей не было в норе, пока каждый из нас не поймает добычу.

— А ещё она сказала, что выдернет по усу за каждую снежинку, которую мы притащим с собой, — добавила бета и отгрызла с хвоста белый налипший ком.

Недоросток потрогал лапами окоченевшую морду, желая убедиться, что она никуда не делась.

Альфа пыталась не рассмеяться.

— Побегай, — наставительно сказала она. — Это растопит твой охотничий инстинкт.

Недоросток поскакал по глади свежего снега и вдруг исчез, его тёмный с медным отливом мех поглотило белым. У альфы защемило в груди. Она была самой старшей и, когда мамы не было рядом, отвечала за младших. Её усы вздрагивали от каждого их движения.

Уши недоростка высунулись из сугроба, и хвост альфы облегчённо обмяк.

Недоросток перебирал лапами, словно тонул, и пытался выбраться на твёрдый наст:

— Я не могу! Я даже *ходить* не могу!

— Помрёшь с голоду, значит! — сказала бета и весело побежала вглубь леса. — Ха-ха!

Недоросток бросил даже пытаться выбраться из сугроба и опустил морду на лапы. В глазах заблестел зимний лес.

— Не бойся, — сказала альфа. Она потянула его за загривок и помогла выкарабкаться на островок голой земли под веткой. — Если сам ничего не поймает, я помогу тебе изловить напу сестрицу. Съедем её.

Усы недоростка изогнулись в злобной ухмылке и тут же вяло повисли:

— Подожди... ты же не по-настоящему, правда? Альфа закатила глаза.

— Эй! — окликнула бета. — На охоту, недоросток! Недоросток бросился вслед за ней:

— Мама же говорила, чтоб ты меня так больше не называла! Что, нельзя быть просто *Омегой*? А лучше называй меня Клык!

Альфа не побежала следом. Она попробовала лапами снег, отыскала участок, который мог выдержать её вес, и осторожно двинулась по нему. Держаться на расстоянии от младших было очень разумно. Недоросток с бетой вышли на охоту с крадучестью лесного пожара. Всё, видимо, закончится тем, что альфе придётся охотиться за троих, а потом раздать каждому по добытому зверьку, иначе мама не пустит в нору.

Альфа обратила слух к земле. Она повертела ушами влево, а затем вправо, прислушиваясь, не скребётся ли под зыбким снегом какой-нибудь грызун. Но не раздавалось ни шороха. Ни писка. Погребённая земля окоченела до безмолвия.

Стоя с наострѣнными ушами, альфа вдруг поняла, что примолкла не только добыча. Вот уже несколько минут брат с сестрой не издавали ни звука. Ни лая. Ни визга.

— Бета? — окликнула альфа. — Омега?

Укрытые снегом ветки поймали её голос и заморозили.

Альфа принюхалась, отыскала двойной след, оставленный лапами младших, и поскакала по нему. Глубокий снег становился всё глубже, поднимаясь выше кончиков ушей. Вскоре, чтобы мельком увидеть лес, приходилось уже подпрыгивать, снова проваливаясь в белое после каждого прыжка.

Младших нигде не было видно. Их запах давно потерялся в морозном воздухе.

Альфа поскакала быстрее.

Через несколько прыжков она почувствовала запах крови. Свежей крови. Запах, солѣный и тѣплый, окрасил воздух. Нос альфы судорожно дѣрнулся, а от страха защемило живот.

Это же *лисей* кровью так пахнет?

Альфа поскакала вперѣд, не позволяя снегу взять верх над её лапами. Тлетворный дух густел и, прищипываясь к запаху зелёных иголок, вѣл её под сосну.

Сосновые ветки отяжелели под горами снега, удерживая под собою тени, точно в ловушке.

Альфа сделала вдох. Потом другой. А потом ткнулась носом в заснеженные иголки, просунула морду в темноту... и заметила два пушистых хвоста. Недоросток и бета. Их кровь всё ещё при них.

— Что вы как *мёртвые*? — воскликнула альфа, проскальзывая под ветками. Ковёр из коричневых иголок мягко покалывал лапы. — Вот скажу маме, что вы убежали, она вам уши откусит.

Ей никто не ответил. Брат с сестрой смотрели во все глаза на что-то, скрытое наполовину стволом дерева. Альфа увидела чей-то мех, стремительно скакнула вперёд и загородила собою младших. Пасть над клыками оперилась, шерсть на загривке остро вздыбилась.

Перед ними на боку лежал лис. Кровь пенилась в уголках рта и покрывала коркой мех на животе. Ухо у самого основания было немного разорвано.

Когда альфа поняла, что грудь лиса так же тиха, как иголки под ним, шерсть у неё на загривке чуть-чуть улеглась.

— Кто его, думаете, убил? — прошептала бета.

— Что значит «кто убил»? — спросил недоросток. — Лис не убивают. Это мы убиваем.

Альфа принюхалась к ранам лиса и почувствовала что-то похожее на запах тухлых яиц.

— Надо похоронить его? — спросила бета.

— О-о! — протянул недоросток. — А может, нам утащить его в нору? Я скажу, что это моя добыча.

— Нет, — ответила альфа. — На нём может быть проклятье.

Теперь, когда она знала, что лис не опасен, ей стало интересно, кто же его убил. Да и мама захочет узнать. Альфа надула грудь, стараясь казаться больше собственного страха, и шагнула вперёд.

— Ты куда? — *зашипела бета.*

— Хочу понять, что с ним случилось, — прошептала альфа, подкрадываясь ближе.

— А вдруг оно прячется там, за деревом, которое убило его? — спросила бета.

— А вдруг оно затаилось позади мёртвого, которое убило его, и только и ждёт, чтобы выскочить и наброситься на *тебя*? — на одном выдохе проговорил недоросток.

Альфа стиснула зубы. От младших, как всегда, никакой помощи.

Медленно ступая, она приблизилась к лису. Но она никак не могла отыскать рану. Она опустила морду, чтобы перевернуть его, и...

— *Ф-фу-у-ух-х-х-х!*

Лис возвратился к жизни.

Бета взвизгнула, недоросток захныкал, и оба нырнули под ветки. Опустив морду и сердито рыча, альфа вздыбила загривок и попятилась назад, отвлекая на себя клыки Чужака.

От страха глаза Чужака стали огромными.

— Кто здесь? — спросил он вязким от крови голосом.

Альфа держалась на расстоянии. Он был больше неё. Пусть даже он ранен, ещё неизвестно, удастся ли ей с ним справиться.

— *Прошу вас*, — шероховатым голосом заговорил Чужак. — Я вас... не трону. Мне нужна... помощь.

Альфа согнула в коленях ноги, готовая юркнуть под ветки, схватить недоростка в зубы, подтолкнуть бегу и бежать, не останавливаясь до самой норы.

И тут вдруг недоросток высунул голову из-под иголок:

— Чем надо помочь?

— *Ф-ф!* — сердито фыркнула альфа, заставляя его умолкнуть.

— Понял? — зашептала из-под сосны недоростку бета. — Вот из-за этого ты и не доживёшь до весны.

Нedorосток зло посмотрел в ответ.

— Мы не можем помочь, — прорычала Чужаку альфа. — Вам надо уйти отсюда.

— *Прошу вас*, — взмолился чужак. — Я должен... вам рассказать... что случилось. Если вы не выслушаете...

Его голос превратился в какие-то булькающие звуки, и альфе оставалось только догадываться, что он хотел сказать.

Под сосной наступила тишина. Слышалось лишь дыхание четырёх лисиц. Альфа пристальным взглядом смотрела за Чужака, сквозь растопыренные сосновые ветки на размазанный красный след, что тянулся по зимнему лесу.

Бета высунула голову из-под иголок:

— Не умрём ведь, если послушаем, правда? Нас-то двое, а он один.

— Нас *трое!* — возразил недоросток.

— Да ещё раненый, — закончила свою мысль бета.

Альфа посмотрела на младших, на их головы, торчащие из-под иголок, на их мокрые блестящие носы. Она принохалась к оставленному Чужаком кроваво-му следу, ослепительно красному на ослепительно белом снегу. Вот бы мама была сейчас здесь!

— Иди-ка домой, Омега, — сказала альфа.

— Ещё чего! — возмущённо сказал недоросток. — Сама иди-ка домой! Хотя нет, постой. Не ходи, не надо. Оставайся со мной.

— Тебе же сказали, — вмешалась бета, — иди к маме! Мы скоро вернёмся.

— Ладно. Пойду. — Недоросток плюхнулся на бок. — Если *потащишь* меня домой!

Альфа даже подумала так и поступить, но от одной мысли у неё разболелись зубы.

— Послушаем немного, — сказала она. — Но если я скажу вам бежать, вы *побежите*.

Младшие выскользнули из-под веток и отряхнули с шубок снег. Альфа уселась перед окровавленным Чужаком и носом показала младшим, чтобы садились на один хвост позади.

— Кто это с вами так? — спросила Чужака альфа. Чужак облизал с губ красноту.

— Я не могу... начинать... с конца.

Его шумное дыхание никак не хотело выравняться.

Недоросток помесил лапами иголки, как будто засомневался в своей решимости:

— А эта история, она... м-м... страшная?

— Да... — ответил Чужак. — Только без диких зверей. Без голода. Без... замёрзших хвостов. Ничего такого, что бывает в лесу. — Морщась от боли, он поднял голову и посмотрел на лисёнышей. — Эта история не о том, как выжить.

Лисёныши переглянулись. Разве бывают на свете другие истории?

— Она началась, — произнёс Чужак, — на ферме...

— Я обожаю фермы! — закричал недоросток. — На фермах куры. Я обожаю кур. Обожаю трясти их, пока не умрут.

Чужак закрыл глаза.

— Это была не такая ферма.

БЕЛЫЙ
САРАЙ

1

— **С**ЕГОДНЯ про что? Про Снежного Призрака?
Про мистера Шорка?

— Про Булькожажда!

— Тьфу! Вы каждый вечер выбираете про Булькожажда.

— Булькожажда! Булькожажда!

— Ладно. Значит, про Булькожажда.

Ферма стояла погружённая в тёмную синеву, если не считать двух источников света. В хозяйском доме мерцал огонёк свечи, слабый и пленительный за кружевными шторами окна. А в норах из проволочной сетки, расставленных по двору, гудели ослепительно красные полосы, от которых лисий мех светился, как пламя.

— Готовы? — прошептала П-838 из своей норы.

Она была бетой, самкой-производителем, беременной следующим поколением лисиц Фермы. Правда, живот у неё ещё не показался.

— *Готовы*, — ответил О-370. Это был лисёныш-омега. Его нора примыкала к норе П-838.

— Только рассказывай на этот раз *правильно*, — сказал Н-211. Нора недоростка располагалась позади

норы О-370 в ряду, что стоял ближе к лесу, с которым граничила Ферма. — Юли никогда не кусал Булькожажда за тысячу задниц. У булькожаждов вообще не бывает тысячи задниц!

П-838 приподняла бровь:

— А куда, по-твоему, уходит еда из его тысячи пастей?

О-370 громко прыснул. Он никогда в жизни не видел ни одного существа с тысячью пастей. Не говоря уж о тысяче задниц. Но это не мешало ему всматриваться сквозь сетку норы вглубь леса и воображать себе немыслимое создание, чьи пасти заполонили сумрачную тень.

— Только рассказывай, чтоб было *страшно*, — сказал Н-211. — Вот так.

Он защёлкал зубами в разные стороны, пытаясь изобразить, как щёлкают разом бесчисленные пасти болотного чудища из старой истории. Со стороны же смотрелось так, будто он ловит муху и никак не может поймать.

О-370 расхохотался:

— Не убейся, Двести одиннадцатый.

Н-211 прыгнул и прижался лапами к сетке, разделявшей их норы:

— Везёт тебе, что меня там нет! Я б тебе рожу от-булькожаждал!

— Да я б отъюлил твою тысячу задниц! — ответил О-370, бросаясь на сетку со своей стороны.

И оба кинулись в драку сквозь проволочные переплетения сетки. Щёлкая клыками и напирая на шаткую преграду, каждый пытался опрокинуть другого

на спину. Как и большинство других драк, эта тоже закончилась ничьей, и лисёныши попадали в норы, завывая от воображаемых ран.

— Моё лицо! — кричал О-370.

— Мои *задницы*! — скулил Н-211.

И оба зашлись от хохота.

Н-211 приходился О-370 двоюродным братом, да ещё был ему лучшим другом. Разумеется, своей дружбой они прежде всего были обязаны тому, что их норы находились бок о бок. Однако О-370 был совершенно убеждён, что его поместили рядом с самым классным, самым весёлым лисом на всей Ферме. Они с такой неистовостью пожирали истории о Юли и Мии, с какой не пожирали даже еду, которую им давали два раза в день. И когда остальные лисы укладывались спать, они вдвоём принимались разыгрывать приключения из этих историй — насколько им позволяли сетчатые норы, которые были в два хвоста шириной и в два хвоста глубиной.

— *Кхм*, — прочистила горло П-838.

Н-211 улёгся, подпихнув под себя лапы, а О-370 остался стоять. В самые захватывающие моменты историй ему нравилось чувствовать под собой ноги.

Деревья раскачивались и скрипели. П-838 прикрыла глаза:

— Болото разинуло влажную глотку и *погловило* Юли и Мию целиком.

— Хе-хе-хе, — противненько захихикал Н-211.

О-370 опустил ресницы, и в размытой картинке ему привиделось, как поникли обросшие серым деревья, как из-под палой листвы проступили омуты чёрной воды.

— В вышине, в спутанных ветках, — продолжала П-838, — сидели белые, точно призраки, птицы. Заметив лисёнышей, они подняли головы к небу и защёлкали клювом. Сквозь прикрытые ресницы О-370 показалось, будто лунный свет, упавший на ветки, отрастил перья.

Голос П-838 превратился в рычание:

— И в бездонной глубине илистого озера что-то *запузырилось*.

Ноги у О-370 напряглись, словно у кузнечика. Ему до боли хотелось разодрать сетку и устроить охоту на чешуйчатого Булькожажда, или удрать от завываний Снежного Призрака, или схватиться с кровавыми клыками Мистера Шорка. Ему хотелось унюхать жёлтое зловоние — проклятие, которое превращало лисиц в безмозглых каннибалов; ему хотелось собрать всех на свете беспомощных лисёнышей и укрыть под надёжной защитой Фермы.

— Хватит перевирать историю! — зарычал Н-211, и О-370 понял, что перестал слушать. — Это был енот, не енотиха! И не говорил он никогда, что у Юли *красивая шубка!* И не просил он никогда переехать к нему на болото.

П-838 презрительно подняла морду:

— Говорил. Это енотиха, и она надеялась покрыть ежевичные пятнышки Юли склизкими болотными поцелуями.

— Тьфу! — Н-211 закатил глаза так сильно, что едва не перевернулся.

— Это оскорбление наших предков, — грозно прорычал низкий голос.

П-838 вздрогнула, а О-370 наострил уши.

Это рычал А-947, через две норы от них. Его силуэт неясно виднелся за сетчатыми стенами. Альфа был на три зимы старше лисёнышей. Мех у него был яркий, как жёлудь, острые уши черны, как ночь, а кончик хвоста белый, будто луна. Глаза пылали огнём под красным светом обогревателей.

— Булькожажд мог бы запросто перекусить этого енота, словно *мышонка*, — сказал А-947, кривя над клыками губы. — Он мог бы обратить свои зубы против Юли и Мии, в один миг превратить их в месиво *шерсти* и *крови*. Юли повезло выбраться из болота всего лишь без одной лапы.

О-370 ухмыльнулся, глядя на Н-211, который ухмыльнулся в ответ. *Это* уже больше походило на правду.

— Если бы ты, Триста семидесятый, знал, какая на самом деле была у них жизнь, — рычал А-947, — твой хвост перестал бы вилять.

О-370 резко вытянулся по стойке смирно и сел на хвост, чтобы тот не вилял.

Лис-альфа уставился в зияющую темноту между деревьев:

— У тебя коченеют уши, у тебя кровоточат лапы, а хвост разрывается надвое. Голод терзает тебя изнутри так сильно, что рёбра *хрустят* при каждом вдохе.

— *Фу!* — сказала П-838.

А-947 впился красным взглядом в О-370:

— Каждая тварь в лесу вынюхивает твой след. Каждый барсук. Каждая сова. Каждый коралловый аспид. Все они ждут не дождутся, когда ты на мгновение

потеряешь бдительность, и тогда они утащат тебя во тьму, вскроют живот и полакомятся твоими потрохами. *P-P-PA-A-A!*

Альфа стремительно прыгнул на сетку, и лисы — все трое, даже П-838 — вздрогнули.

— Ха-ха-ха! — утробно расхохотался А-947. О-370 облегчённо прыснул.

— Вот, Восемьсот тридцать восьмая, как надо из них изгонять всю дикость, — сказал А-947. — И тогда, как только настанет час, они с признательностью войдут в Белый сарай.

О-370 посмотрел сквозь сетку на Сарай, который стоял на краю лужайки напротив фермерского дома. Краска на стенах Сарая была яркая, точно облака в сентябре. Крыша сияла золотом даже ночью. Когда выпадал снег и рыжие лисьи шубки становились густыми, Фермер уводил в Сарай всех недоростков и омег, и там, в Сарае, они воссоединялись с предками. Там, в Сарае, Н-211 и О-370 станут лакомиться персиками и сороконожками и бесконечно нежиться под тёплым мехом у мам и пап, у бабушек и дедушек, у прабабушек и прадедушек.

Некоторые альфы и беты останутся в сетчатых норах и станут рассказывать истории о Мии и Юли новым лисёнышам, только что из щенячьих загонов.

— Мы рассказываем эти истории не за тем, чтобы вас напугать, — сказал А-947. — Мы рассказываем, чтобы вы знали, какой была жизнь до Фермы. Чтобы вы понимали, как вам повезло оказаться здесь.

О-370 перевёл взгляд с леса на проволочную сетку,

которая защищала его от жестоких существ, что обитали в лесной чаще. В зябком воздухе угасающих осенних дней он чувствовал, как тепло от обогревателя растекается по ушам. Он попытался обнаружить в себе признательность к Ферме со всеми её удобствами. Но признательность не приходила.

Лис-альфа с гордостью оглядел Ферму:

— Жертвы, принесённые Мией и Юли, привели нас сюда. В это место, которое гораздо дороже Венцового леса. — Он кивнул на фермерский дом. — Такие люди, как Фермер или Мисс Поттер, дают нам тепло, дают крышу над ушами, дают в изобилии пищу. За это мы им обязаны — мы обязаны стать ручными.

Из множества историй о Мии и Юли история с Беатрис Поттер нравилась О-370 меньше всего. Добрая женщина привела Мию из мрака дикой природы к свету собственной хижины, окружила молодую лисичку заботой, кормила её, а потом вновь отпустила от себя на поиски приключений.

Скучища.

В самые сокровенные минуты О-370 боялся, что Белый Сарай — это тоже скучища. Что там настанет конец всем приключениям.

— У тебя-то по-прежнему на усах дикость, я знаю, — сказал А-947, обращаясь к О-370. — Не беспокойся. Мы избавим тебя от неё. Будем рассказывать истории так, как случилось *на самом деле*. Со всей кровью, кишками и оторванными лапами.

Рот О-370 дёрнулся в подобии улыбки, и А-947 отвёл от лисёныша налитый красным взгляд.

— Продолжай, Восемьсот тридцать восьмая. — Альфа улёгся поудобнее в своей норе.

— Хорошо, *ладно*, — прошептала П-838. — Енотиха никогда не признавалась Юли в своей неугасимой любви. Но если бы Юли поглубже заглянул к ней в глаза, он увидел бы в них тень тоски — как если бы только он мог заполнить бездонное болото её души.

— Разбуди меня, когда это закончится, — проворчал Н-211.

О-370 ещё разок принюхался к лесу, надеясь на слабый запах жёлтого, или лилового, или снежного меха, или болотного дыхания. Но приключения, как всегда, оставались там, куда его нюх проникнуть уже не мог.

ДЗИНЬ! ДЗИНЬ! ДЗИНЬ! ДЗИНЬ!

— Наконец-то! — вскочил на лапы Н-211.

Бряцание черпака по ведру с едой вызвало среди лис Фермы переполох, и, поскуливая, все вышли вперёд в своих сетчатых норах. У О-370 потекли слюнки и зачесалось ухо. И все мысли о Белом Сарае растворились в голодных повизгиваниях, которые разносились по Ферме в предвкушении еды.

2

— П ОРА ЕСТЬ!
Ферн, дочка Фермера, шла с ведром вдоль сетчатых нор и черпак за черпаком бросала сквозь ячейки хлюпающее красное месиво. Лисы грызли окровавленные кусочки — кому доставались жабры, кому — куриная ножка, а иногда попадался и глаз.

Фермер наблюдал за всем, стоя в дверях дома — тёмная тень в прямоугольнике света.

— Сетку проверь! — крикнул он дочери.

Ферн сунула пальцы в проволочные ячейки, побренчала и двинулась дальше вдоль нор.

Чем ближе бряцала ведром Ферн, тем громче поскуливал О-370, тем сильнее перебирал лапами. Ферн дала двойную порцию П-838 и её нерождённым щенкам и подошла наконец к самым дальним норам. Мелькнул черпак, и еда пролилась дождём вокруг О-370 и его двоюродного брата.

Н-211 немедленно принялся за лакомство, а О-370 прижал ухо к сетке.

— Привет, малыш! — улыбнулась Ферн.

Она протянула руку за деревянный каркас, который

удерживал норы, и повесила ведро на гвоздь, который торчал сбоку. Потом подняла руку вверх, просунула пальцы в сетку и почесала О-370 ухо возле бирки.

Из горла О-370 вырвалось ворчание, а глаза облегчённо затрепетали. Ногти у Ферн были длинные и немного пахли куриным жиром. О-370 так и подмывало облизать их начисто, но зудящее ухо оказалось важнее пустоты в желудке. Лисёныш прижал голову к пальцам девочки.

— *О-о-о*, — протянула она, — да ты сегодня уж совсем ласковый!

Ухо возле бирки чесалось всегда, сколько О-370 себя помнил. Прокол — острый и белый, — от которого глаза вылезали на лоб, стал самым первым воспоминанием. Ухо дёргалось и кровоточило, а он смотрел в яркое голубое небо, впервые осознавая боль и красоту мира.

Когда Ферн перестала чесать, зуд ещё не унялся. О-370 тяжело застучал задней лапой, дотягиваясь до основания уха и пытаясь доделать начатую работу. Но, в отличие от ногтей Ферн, его неуклюжие когти никак не могли добраться до бирки.

— *Папа!* — крикнула Ферн в сторону дома. — Можно, мы этого оставим?

О-370 наострил уши. Неужели вместо Сарая он отправится жить в фермерский дом? Ферн — девочка милая. И голосок у неё приятный, будто осенний ветер, и от неё всегда пахнет лимонным мылом. Что может быть лучше, чем стать её любимцем? Только отправиться на поиски приключений.

Тень Фермера покачала головой:

— Ты ведь знаешь ответ.

— Ну, *пожалуйста!* — взмолилась Ферн. — Я этого адрессирую, правда! Я его научу, чтоб не писал на ковёр!

Фермер погладил подбородок.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты ведь ещё не зашила мои тёплые кальсоны, которые разодрал предыдущий.

Ферн сморщила нос и ещё разок ущипнула О-370 за ухо.

— Я бы назвала тебя Мироцвет.

Н-211 сдавленно захихикал, и О-370 ощерил в ответ клыки. Если ему всю жизнь станут чесать ухо, он готов примириться даже с именем Мироцвет.

— Ничего не забыла? — крикнул Фермер, поднимая лопату.

Плечи у Ферн поникли:

— *А надо?*

Фермер показал ручкой лопаты на пустоту под сетчатыми норами — они стояли на деревянных столбах на высоте в три хвоста от земли:

— Если долго не убирать отходы, от запаха портится мех, ты же знаешь.

Это правда. От вонючих коричневых куч под сетчатым полом у О-370 слезились глаза, а мех становился склизким. В заботе о лисах Фермер с дочкой всегда делали всё, что в их силах: убирали лопатой отходы, проверяли сетку, чтобы никто не сумел ворваться в норы. О-370 очень хотел ощутить в себе больше признательности.

Он повернулся, собираясь приняться за разбросанные по полу лакомые кусочки:

— Эй!

Пока О-370 чесали за ухом, Н-211 просунул в сетку свой длинный язык и украл у него часть еды.

Н-211 облизал рот.

— А ты больше флиртуй, *Мироцвет!*

— Я тебе покажу — мир! — прорычал О-370 и схлестнулся с двоюродным братом у разделявшей их сетки.

Схватка становилась всё лучше и лучше, как вдруг П-838 шепнула:

— Мальчики! *Тише!*

— А что? — сощурился Н-211. — Что случилось?

О-370 проследил глазами за взглядом П-838 и увидел, как Фермер, сойдя с веранды, снял кепку и уставился в небо.

— *Ну же,* — пробурчал в облака Фермер, — подай хоть *какой-нибудь* знак. — Он вздохнул и снова водрузил кепку на голову. — Ладно, Ферн, избавлю тебя — можно не убирать какашки. Пора заготавливать.

— *Правда?* — воскликнула Ферн, хлопнув в ладоши.

— Сколько можно ждать снегопада! — ответил Фермер, поднялся на веранду и вынес из-за двери две пары перчаток. — Банк умыкнёт всю собственность прямо из-под нас.

О-370 посмотрел на Сарай, который мягко светился в вечернем свете. Интересно, там холодно? Поэтому лисы отправляются внутрь только в разгар зимы, когда мех на шубках становится гуще всего? У него не было ни одной догадки. Ферн с отцом говорили много та-

кого, что невозможно понять. Всякий раз, когда О-370 спрашивал у старших лисиц, что имели в виду люди, ему отвечали, что всё станет ясно, едва он сам и другие лисы окажутся в Сараяе.

— Первыми пойдут старшие альфы, — сказал Фермер, подавая Ферн одну пару перчаток. — мех у этих уже довольно густой, так что свет нам не отключат. Потом, как выпадет снег, займёмся недоростками и омегами. А потом уж самки-производители — как появятся щенки. — Он резко хлопнул в ладоши и повертел пальцами в воздухе. — Ну, что ж, идём собирать.

Ферн пронзительно взвизгнула и сунула руки в перчатки.

У О-370 защемило сердце. Вот они и настали — сумерки лисёнышества. Если альфы уже сейчас отправляются в Сарай, не за горами тот день, когда и они с Н-211 отправятся следом. А ведь они так и не испытали даже малюсенького приключения!

— Что ж, мои дорогие лисы, — величественно произнёс А-947, глядя, как Ферн с отцом идут по двору. — Кажется, пробил час.

— О-о-о, — простонал Н-211, — кроме тебя, никто не рассказывает истории так хорошо!

— Спасибо *большое*, — обиженно запыхтела П-838.

Ферн подошла к клетке А-947 и широкими глазами посмотрела на крупного лиса:

— А он не укусит?

— Не-а, — ответил Фермер. — Твой дедушка научил меня разводить только самых тихих. Чтобы с каждым поколением из них выходила вся дикость. Вот поэтому

у них глаза такие большие, а уши болтаются. Да и зубы довольно тупые. Только смотри, чтобы перчатки сидели плотно и морду ему держи от лица подальше.

Ферн кивнула и затянутыми в перчатки руками с трудом вставила ключ в замок.

А-947 гордо выпятил грудь.

— Рассказывай истории так, как следует, — сказал он, оборотясь к П-838. — Пускай тьма остаётся в лесу, где ей самое место. Пускай страх живёт в юных лисьих сердцах, дабы оставались они признательны Ферме. Дабы ни единый лисёныш не испытал вовеки того, что выпало Юли и Мии.

П-838 торжественно склонила голову:

— Обещаю.

— А вы, лисёныши, — заговорил А-947 с Н-211 и О-370 и вдруг подмигнул, — берегите хвосты!

Замок открылся, и Ферн робко сунула затянутую в перчатку руку в нору к лису-альфе.

— Тише, тише, — заворковала она. — Я больно не сделаю.

А-947 даже не зарычал — он покорно позволил девочке взять себя за шкурку и потащить по лужайке.

— Я не стану менять истории слишком сильно, — провила ему вслед П-838. — Разве только в конце устрой, чтоб мистер Шорк убежал с мисс Лисс.

А-947 не обернулся. Он с молчаливым достоинством шагал к Сараю.

— *Я пошутила!* — твякнула П-838.

О-370 смотрел, как Фермер открывает в Сарае дверь — ровно настолько, чтобы пройти внутрь, как

зажигает огни, и те, замерцав, заливают темноту вокруг белым.

— Подожди тут, Ферн, — сказал Фермер и зашёл в Сарай.

О-370 и Н-211 прижались носами к сетке, надеясь хоть мельком заглянуть в Сарай сквозь приоткрытую дверь.

Но из-за света ничего не было видно. Там, должно быть, уже целые сотни лис. А может быть, целые *тысячи*.

«Как они там все помещаются?» — спросил у мамы О-370, когда жил с ней вместе в щенячьем загоне.

«Сарай простирается в лес на целые мили, — прошептала мама. — *Далеко-далеко. Настолько, чтобы хватало места всем лисам, которых ты знаешь, и всем лисам, которых не знаешь. Моим родителям, их родителям... всем, кто появился на свет после Юли и Миш*».

О-370 подумал, что мама наверняка права, ведь он никогда не видел, чтоб лисы выходили из Сарая. Только Фермер выносил оттуда какие-то деревянные ящики и складывал в кузов грузовика. Но ящики были такие плоские, что лисица бы внутрь не поместилась. И всё же, как ни пытался О-370 представить себе столько лис, которые живут в одном месте, эта картина никак не уместилась у него в голове.

Фермер вышел из Сарая и потянулся рукой к А-947.

Ферн оттащила альфу назад:

— Я хочу помогать во всём!

Фермер покачал головой и улыбнулся:

— Подожди, пока исполнится тринадцать.

Ферн подняла на отца большие глаза и заскулила, точно голодный лисёныш.

Фермер расхохотался и взлохматил дочери волосы:
— Ну, что ж, кто готов убирать навоз, тот заслуживает и веселья.

«Веселья?» — подумал О-370. В Сараяе бывает весело?

Ферн вошла в открытую дверь, и А-947 исчез в белой пелене. Фермер возвратился к сетчатым норам и одного за другим перенёс в Сарай всех остальных старших альф.

Как только последний альфа оказался внутри, Фермер захлопнул за собой дверь, окатив сетчатые норы воздушной волной. Она пахла сырой сосной и плесенью. Сладким запылившимся мехом и... чем-то ещё. Этого запаха О-370 никак не мог разобрать. Чем-то колючим.

Вместе с Н-211 они сидели в норах и смотрели широкими глазами на явление, о котором только слышали. Всё вокруг стихло. В лесу беспокойно дрожали листья. Распахнутая сетчатая дверь в нору А-947 со скрипом качалась взад и вперёд.

Обогреватели вдруг потускнели... мех у лисиц встал дыбом от статического электричества, и...

ЗЗТ!

Щели между досок в стенах Сарая вспыхнули Голубым, да так ярко, что перед глазами О-370 замерцали призрачные полосы.

— Ух ты! — прошептал Н-211.

О-370 заморгал, пытаясь разогнать полосы. Свет оказался даже ярче и гораздо красивее, чем он воображал. Становилось даже немного больно. Мама рассказывала, что Голубая вспышка возникает из-за разрядов статического электричества на шубках, когда лисы наконец

воссоединяются в Сарае и в знак приветствия им дозволяется потереться друг с другом мордами, не разделёнными сеткой. О-370 представил, как А-947 сейчас тычется мордой в своих маму и папу, в сестёр и братьев и даже, может быть, в Мию и Юли.

— Скорей бы уже оказаться там! — сказала П-838. И, чтобы защитить от холода нерождённых лисёнышей, она свернула хвост колечком на животе.

— Скорей бы! — сказал Н-211. — Буду есть персики и сороконожки, пока из ушей не ползет.

— Да, — сказал О-370 без особого упоения, — скорей бы.

В Белом Сарае не прятались Булькожажды. Не водились ни Снежный Призрак, ни мистер Шорк.

Только мир и покой. И лисы.

Никаких тебе приключений.

3

ПОКАЗАЛИСЬ ЗВЁЗДЫ, обогреватели потускнели, и настали Чёрные Часы. Забормотал ветер, глухой и угрюмый, принялся раскачивать вокруг нор деревья, трещать их голыми ветками. Ветер дул разом со всех сторон — сквозь пол и сквозь стены, хлопал плёнкой, наброшенной на крышу, дребезжал сеткой, словно хотел ворваться внутрь.

Лисы на Ферме свернулись на ночь клубочком, спрятали морды в изгибах пушистых хвостов. Все уже давно спали крепким сном — животы поднимаются и опадают, ноздри посвистывают, ресницы подрагивают от снов...

Не спали, само собой, только двое лисёнышей в самом конце.

— А потом ещё это место, где Юли расправляется с отцом, и такой — *р-р-р-ра-а-а!* — прошептал О-370 и со всей силы подпрыгнул в сетчатой клетке.

— *Ш-ш-ш!* — зашипел Н-211, стараясь не хихикать, и на всякий случай посмотрел на П-838. Она спала. — А помнишь вот это место, где Мия кусает барсука за хвост и такая: «*Не-а!* Я не дам тебе обидеть моего друга».

— Я бы так смог, — проговорил в ответ О-370. — Я бы точно спас *твою* жизнь.

— Да ладно! Это я бы спасал твою!

— *Пф!* *Мою* даже спасти не придётся.

Двоюродные братья шептались сквозь сетку про приключения и носами показывали на чудовищ, чьи очертания рисовались в беспокойном лесу. О-370 пытался вообразить, как на залитых лунным светом полянах Юли и Мия отражают нападения чудовищ во имя всего лисьего рода. Но деревья в эту ночь отказывались играть. Листья оставались листьями. А тени всего лишь тенями.

— Что бы ты сделал в первую очередь? — спросил О-370, вглядываясь в лесную тьму. — Ну, если бы оказался там?

— Я бы перепробовал *всю* еду, — ответил Н-211. — Всё, что ели Юли и Мия. Кузнечиков, беличьи сердца, даже эту странную ящерицу, которая с жабрами. Ну, а ты?

— Честно? — проговорил О-370. — Я хочу хоть разок унюхать чью-нибудь задницу, кроме твоей.

Их морды чуть не разорвало от хохота — обоим пришлось прикусить языки, чтобы удержать смех. Из-за беременности П-838 становилась очень сварливой, когда ей мешали спать. Но её живот, слабо освещённый звёздным светом, поднимался и опускался, ровно и медленно.

Скри-и-и-и-ип...

От этого звука у лисёнышей встрепнулись уши.

— Что это? — выпучив глаза, спросил Н-211.

О-370 сглотнул в горле ком и покачал головой.

Он внимательно всматривался в лес и ждал, что же произойдёт. Может быть, рухнет дерево и освободит их из нор? Может быть, покажется Булькожажд? Может быть, так начинается приключение?

Скри-и-и-и-ип...

Уши О-370 разочарованно сникли. Это была всего лишь дверь Сарая.

Фермер шагнул из Сарая во тьму, а следом за ним и Ферн, чьё бледное лицо будто светилось в ночи.

— Ну, ты как, ничего? — спросил Фермер.

Ферн коротко кивнула.

Фермер поморщился.

— Ты ведь понимаешь, что им вовсе даже не больно, правда?

О-370 дёрнул ушами. Точно так же всегда говорили на Ферме лисы. В Белом Сарая наступают конец всякой боли.

Ферн хмуро посмотрела на отца. Глаза у неё блестели, а губы дрожали.

— Я думала, мы их только стрижем...

Фермер вздохнул.

— Так и знал, что надо подождать, пока не подрастёшь. — Он стиснул руками её плечи. — Это наша работа, Ферни. Чем-то надо зарабатывать на жизнь.

Ферн обернулась и не сводя глаз стала смотреть на Белый Сарай.

— Но ведь они больше никогда не будут бегать. И нюхать деревья. И...

Именно этого О-370 и боялся. В Белом Сарая наступают конец всем приключениям.

— Это правда, — ответил Фермер. — Не будут. — Он опустился на колени и оказался лицом к лицу с дочерью. — Но ты же видела, как им счастливо жилось. Спали себе в уютном местечке. Ели два раза в день. Как бы я хотел, чтоб и *мне* кто-то устроил такую жизнь, честное слово.

Ферн хмуро посмотрела в траву.

Фермер стянул перчатки.

— Хотел тебя удивить, но... Ты знаешь, что мне всегда было не по карману сделать тебе такой подарок. А вот в этом году получится. Тот, кто выполняет работу, заслуживает её плодов.

Её сердитый взгляд немножечко потеплел. Она посмотрела внимательно на отца, потом оглядела сетчатые норы. На какое-то мгновение О-370 даже поймал её взгляд, но она вздрогнула и отвернулась.

— А можно будет... надевать в школу? — спросила Ферн.

— Не мучай меня, — засмеялся Фермер.

Он поднялся и одной рукой обхватил её за плечи. Она прильнула к отцу, и они вдвоём подошли через двор к дому и закрыли за собой дверь.

О-370 вскинул голову.

— О чём, по-твоему, говорил Фермер, когда обещал Ферн сделать подарок? И что значит это её «надевать»?

— М-м? — переспросил Н-211. Он выгрызал зуд между пальцами и особенно не прислушивался. — А! Ну, наверное, хочет позволить ей взять А-947 в дом. Ты-то, видимо, для неё слишком страшный.

О-370 не хотелось затевать драку прямо сейчас, даже в шутку. Он повалился на бок... и заметил кое-что необычное. Ведро, из которого им раздавали еду, всё ещё висело на гвозде, торчавшем из деревянной балки между его норой и норой двоюродного брата. Ферн забыла его унести.

О-370 просунул лапу в ячейку сетки и ударил по ведру. Оно закачалось из стороны в сторону на проволочной ручке. Скоро выпадет снег, и О-370 с Н-211 отправятся в Сарай. И все приключения, которые они могли бы испытать в жизни, останутся только в воображении, разыгравшемся под защитой сетчатых нор.

Он снова толкнул лапой ведро — со злостью на этот раз, отчего оно закачалось сильнее. Ручка скользнула по гвоздю, зацепилась за плоскую шляпку и на волосок выдернула гвоздь из дерева.

О-370 наклонил голову. Месяц назад он видел, как Фермер забивал гвозди в балку, чтобы вся конструкция меньше шаталась. Взгляд О-370 пробежал от гвоздя вверх по балке, которую удерживал гвоздь. Балка подпирала жестяную крышу и держала натянутой проволочную сетку, которая отделяла его от двоюродного брата.

О-370 снова качнул ведро, и гвоздь со скрипом вылез ещё на усик.

— Э-э, — подал голос Н-211, — ч-ч-что это ты делаешь?

«А что, интересно, будет? — задумался О-370 и снова ударил по ведру. — Что, интересно, будет, если гвоздь выскокнет совсем? — И ещё удар. — Сетка откроется? — Два удара один за другим. — Смогут они вместе с братом

улизнуть из норы хоть ненадолго? — Ещё три удара. — Чтобы хватило на одно короткое приключение? — Он начал попадать в ритм. — Пока они не отправились в Белый Сарай и не позабыли навек о врождённой дикости...»

— *Триста семидесятый!* — прошептал-прошипел Н-211. — Ты меня слышишь?

— Мы, — сказал О-370 и качнул ведро ещё раз, — отправляемся, — и ещё, — на поиски, — ещё, ещё, — *приключений.*

— Мы чего? — спросил Н-211, глядя, как гвоздь всё больше и больше вылезает из дерева.

О-370 ничего не ответил. Он только бил всё сильнее и уже выдернул гвоздь так, что тот стал сгибаться под тяжестью ведра.

РРРКТ!

Балка застонала. Проволочная сетка провисла.

— М-м, Триста семидесятый? — запаниковал Н-211.

О-370 ударил по ведру ещё раз.

РРНТ!

— Триста семидесятый!

И ещё.

Скр-р-р-р-р-р-рп!

Балка стала крениться на сторону. Потолок начал сползать.

Пок!

Гвоздь выскочил.

Крк!

Дерево треснуло.

ФФУМ!

И весь мир вокруг рухнул.

4

О-370 НЕ МОГ ДАЖЕ ПОШЕВЕЛИТЬСЯ. Что-то холодное и тяжёлое навалилось сверху, придавив его к сетчатому полу. Он открыл глаза и увидел, что ярко-красные зигзаги повисли в нескольких дюймах от его носа. Обогреватели шипели, как умирающее насекомое, отражаясь в жестяных волнах потолка, грозившего его раздавить.

Он понял. Нора обрушилась. Он в ловушке.

— *Триста семидесятый!* — раздался перепуганный голос. — *Двести одиннадцатый!* Вы живы? *Отзовитесь!*

Это была П-838. Её голос звучал откуда-то издалека.

О-370 с трудом повернул голову под тяжестью крыши.

— *Пожалуйста!* — в голосе П-838 нарастала паника. — *Кто-нибудь, скажите хоть что-нибудь!*

О-370 открыл было рот, чтобы ответить, но крыша тяжело давила на грудь. Ёрзая и извиваясь, он прополз вперёд. Край жестяной крыши оказался отогнут, и его глазам открылись голые ветки под звёздным небом. Он оттолкнулся, упираясь задними лапами, и скользнул в дыру. Он жадно заглатывал воздух и облегчённо пыхтел, довольный, что выбрался из-под обломков.

— *Придурок!* — зарычала сквозь сетку П-838. Её нора не обрушилась. — Если только крыша не отрезала тебе язык, я тебя пришибу за то, что не отвечаешь! — Её черты смягчились. — Живой?

О-370 неуклюже поднялся на лапы и шагнул на крышу. В ноге расцветала тупая боль.

— Кажется, да, — ответил он, покачиваясь на лапах. — Нога болит.

— Хорошо, — сказал П-838.

Он поднял голову, и рот у него захлопнулся сам собой. В первый раз за все свои луны О-370 видел Ферму не через сетку. Переплетённые проволочные кружки разбивали мир на кусочки, маленькие и понятные. Он попробовал охватить всё вокруг одним взглядом — лужайку, деревья, небо, хозяйский дом. Всё было такое... ух!

Голова закружилась. Ему стало казаться, что он летит.

Это же история!

— *Двести одиннадцатый!* — повернулся он к брату, захлёбываясь от восторга.

Дыхание тут же перехватило: нора двоюродного брата тоже обрушилась — не осталось ничего, кроме гнутой жести и смятой сетки.

Под жестяной крышей — комок рыжего меха. Комок лежал и не шевелился.

— *Двести одиннадцатый!* — задрожал О-370.

Комок не издал ни звука.

О-370 осторожно проскакал по краю обвалившейся крыши, следя, чтобы она не прогибалась под его весом.

Он спустился на деревянную раму, уцепился клыками за жестяной угол и потянул что было сил. Это оказалось непросто, но О-370 превозмог себя и сдвинул крышу на пару дюймов.

Н-211 лежал на спине с широко распахнутыми стеклянными глазами.

У О-370 похолодели уши.

— Ох, нет, — забормотал он, — нет, нет, нет!

Н-211 хлопнул ресницами:

— *Обалдеть*, к бреху!

— *Что за выражения!* — возмутилась П-838.

Страх растаял было в животе у О-370. И вдруг закипел:

— Ты почему *молчишь*?

Н-211 вскочил на лапы:

— А ты заслужил, когда сломал норы!

О-370 рванулся вперёд, предполагая, что сетчатая стена его остановит, но, к своему изумлению, ударил Н-211 лапами прямо в лицо. Изумление стало только сильнее, когда клыки брата впились ему в ухо. В отместку он вцепился Н-211 в загривок, и они покатались по крыше. Он кожей чувствовал каждый зуб, каждый коготь, каждый рокот рычащего брата.

Больно. И так чудесно.

— *Парни!* — крикнула П-838.

О-370 разжал пасть, сжимавшую горло Н-211, а брат выпустил из зубов его ухо. Оба едва не задыхались. О-370 вдруг догадался, что, когда они с братом коснулись шубками, никаких искр между ними не полетело. А ведь им всегда говорили, что происходит именно так — ли-

сы встречаются друг друга в Сарае и вызывают яркую вспышку Голубого. Но всё вышло по-другому, и О-370 почувствовал вдруг какую-то брезгливость, только сам не понимал, почему.

— И что вы теперь собираетесь делать, *гении*? — спросила П-838. — Спать-то вам негде.

Лисёныши огляделись. Четыре стены, которые прежде оберегали их от мира, лежали в обломках под лапами. Над головой висело холодное чёрное небо, а тёплое свечение обогревателей сменилось ледяным светом звёзд. Ветер обдувал шубки. Ветки тянулись со всех сторон. Из гущи деревьев за ними следили невидимые глаза.

О-370 задрожал. Он и сам не знал — от восторга или от страха.

Он повернул голову к фермерскому дому и принялся. От дома пахло погашенными на ночь свечами. Рухнувшая крыша не разбудила Фермера. Норы больше не удерживали их с братом. И они ещё не скоро туда вернуться.

Р-р-р-рн!

О-370 услышал позади какой-то шорох. Он оглянулся и увидел, как Н-211, напрягая силы, лезет мордой под изогнутую крышу.

О-370 вскинул голову:

— Ты чего?

— Издеваешься? — ответил Н-211, подпирая головой крышу в надежде выпрямить. — В любую секунду из леса может выскочить какое-нибудь чудовище! Помогите мне!

О-370 посмотрел в лес. Он ждал, что сейчас в осколках лунного света материализуется барсук, или мисс Лисс выйдет шатаясь из-за кустов, или мистер Шорк с окровавленными зубами набросится из темноты.

Ничего не произошло.

О-370 наступил на крышу, собственным весом пресякая неловкие усилия двоюродного брата.

— Посмотри *вокруг*, Двести одиннадцатый! Пока Фермер не увидел, что произошло, мы на свободе! Можем делать, что захотим! Запрыгнуть на грузовик! Заставить Гризлера за нами гоняться! Можем даже отправиться в лес и устроить охоту на ящериц! Мы научимся и когда-нибудь схватимся с Булькожаждом!

Крыша соскользнула с морды Н-211. С тревогой в глазах он посмотрел в лес.

— Мы же всегда этого *хотели*! — воскликнул О-370. — Пройдёт много *лун*, а лисы на Ферме всё ещё будут говорить о Великом Обрушении Нор. Даже когда мы отправимся в Белый Сарай. Пускай она не такая захватывающая, как старые, но это история!

Двоюродный брат нахмурясь посмотрел вниз на крышу.

— А что скажут наши предки? Вдруг они почуют от нас запах дикости и не позволят войти в Белый Сарай?

— Ну, сам подумай, — ответил О-370. — Они впустили Юли и Мию. А уж у них-то дикости хоть отбавляй!

Н-211 прикусил в раздумьях язык.

П-838 вздохнула.

— Теперь, пушистые колобки, когда ушёл Девятьсот сорок седьмой, я стала за вас в ответе. И должна сказать, Триста семидесятый, что за всю жизнь не слышала ничего глупее. У меня нет желания смотреть, как вы умираете.

Радость О-370 едва не растаяла... но он догадался, что П-838 по-прежнему заперта в норе и не сможет его остановить, даже если захочет.

Он с надеждой взглянул на брата:

— Ну, что? Приключение?

Н-211 опустил морду.

— Мне... Мне *хочется*. Только вот... — Его правая передняя лапа дёрнулась вверх и повисла. — Лапа. Заноза. Попала, когда рухнула крыша.

— Дай посмотрю, — сказал О-370. — Может, вытащу.

— Не получится, — сказал, отворачиваясь, Н-211. — Она глубоко засела.

О-370 вдруг заметил, что уши у двоюродного брата прижаты, глаза слезятся, и, хотя в воздухе было прохладно, а сломанные обогреватели валялись под лапами, дышит он тяжело и часто... О-370 всегда считал двоюродного брата храбрее себя. А Н-211 *боялся*.

О-370 даже помыслить не мог отправиться на поиски приключений в одиночку. Юли и Мия остались в живых только потому, что были вместе. Каждый обладал талантом, которого не было у другого. Когда братья придумывали свои собственные приключения, сочинял всегда О-370, а Н-211 был в этих историях *клыками*. Но прямо сейчас у Н-211 был такой вид, что он не сможет обидеть даже земляного червя.

О-370 снова посмотрел в лес. Тот казался темнее и даже гуще, чем прежде. Весь мир пугающе распахнулся навстречу. Но всё-таки распахнулся.

— Я пошёл, — сказал О-370.

Н-211 наострил уши:

— Пошёл?

О-370 глянул вниз через край обвалившейся крыши. Широкая лужайка лежала внизу пропасти в головокружительные три хвоста глубиной. В норе ему едва хватало места подпрыгнуть вверх на две лапы.

Он облизал губы и напомнил сам себе, что такая возможность случается только раз в жизни. А то и реже.

— Что если Гризлер тебя поймает? — спросила П-838.

О-370 обвёл взглядом Ферму, отыскивая местечко, где старый пёс бросил на ночь кости. Но Гризлера нигде не было видно. Впрочем, какая разница. Пёс хоть и был в восемь раз больше О-370, но отличался тучностью и косоглазием, да ещё и ходил вразвалку.

— Самое страшное в Гризлере, — сказал О-370, — что он забрызжет тебя слюной, когда будет лаять.

Н-211 не засмеялся.

— А что если там мистер Шорк? Дождётся, когда ты прыгнешь, и в два счёта тебе перекусит шею!

О-370 едва сдерживался — от злости шерсть на загривке чуть не вставала дыбом.

— Увидишь его — дай знак. Завой.

И, пока страх не пересилил его, он упёрся передними лапами в острый край крыши и покачался на задних.

— Не вздумай, Триста семидесятый! — зарычала П-838.

Он посмотрел на траву внизу. Вот оно. Начало единственного великого приключения.

— Триста семидесятый! — окликнул Н-211.

О-370 обернулся через плечо.

— А вдруг с тобой что-то случится? — спросил двоюродный брат.

— Да... — ответил О-370. — А вдруг со мной вообще ничего не случится?

Н-211 прижал уши.

О-370 прыгнул.

5

ЗЕМЛЯ БРОСИЛАСЬ ВВЕРХ и звонко ударила О-370 по лапам, ткнула его же коленями в живот. Морда лисёныша ударилась о траву, зубы щёлкнули, да так сильно, что, казалось, сейчас рассыпятся. Целое долгое мгновение он не мог вздохнуть и с ужасом думал, что навсегда переломал себе кости.

Наконец лёгкие встрепенулись и жадно глотнули воздух. Шатаясь, О-370 поднялся на лапы и встряхнул головой, чтобы разогнать искры, мелькавшие перед глазами. На негнущихся ногах он обшарил взглядом лужайку — как бы не выскочил из кустов мистер Шорк, как бы не выпрыгнул, извиваясь и чавкая, Бульккожажд.

Но, какие бы смертоносные существа ни таились в лесу, никто не показывался.

О-370 попробовал ступить лапами по траве. Щекотно. Он проскакал несколько хвостов вдоль сетчатых нор, повернулся и поскакал обратно.

— Как здорово! — закричал он двоюродному брату.

П-838 посмотрела на него сверху вниз через сетку:

— И как же ты заберёшься обратно, умник?

— А, ну-у... — О-370 смерил взглядом высоту до обвалившейся норы — три хвоста. — Вернусь — что-нибудь придумаю.

— Если вернёшься.

Она растворилась в уютном красном свечении норы, и О-370 внезапно остался совершенно один. Н-211 — вот пугливые лапы! — не отважился даже украдкой выглянуть за край крыши. О-370 ему покажет. Он соберёт целую сотню чешуек Булькожажда и с ликующим видом бросит их двоюродному брату под лапы.

О-370 повернулся лицом к лесу, пытаясь собраться с храбростью. Ночь была всё такой же ветреной и такой же зловещей, что и мгновение назад. Но теперь, когда нора больше не укрывала собой О-370, каждый порыв ветра казался ещё холоднее, ветки, что колыхались под ветром, — ещё острее, а в каждом треске, что долетал из леса, чудилась угроза.

Он уже не чувствовал себя таким смелым, чтобы сунуться в лес хотя бы на ус. Особенно без Н-211 — ведь теперь некому присматривать за его хвостом. О-370 обвёл взглядом Ферму в поиске каких-нибудь других приключений. Он увидел Белый Сарай и сердито запыхтел. Нет, туда он не пойдёт совершенно точно — в этом месте заканчиваются все приключения.

Оставался фермерский дом.

О-370 улыбнулся. Вот оно! Самое лучшее приключение. Он отправится к бочке с едой, принесёт столько, сколько поместится в пасти, и сожрёт на глазах двоюродного брата. Н-211 ещё пожалеет, что выдумал эту занозу!

О-370 потрусил вдоль ряда приподнятых над землёй сетчатых нор.

— *Ай-яй-яй!* — раздался над головой чей-то голос.

— Набрался дикости, посмотрите-ка! — подхватил другой.

— Вот ему достанется, и по *заслугам!*

Это были три беты, самки-производители. Их силуэты пламенели в тусклом свечении обогревателей.

— Нельзя этого делать, лисёныш! — сказала одна.

— Если Фермер увидит, он тебя в Сарай не возьмёт!

— Мы с тобой разговариваем! — зарычала третья.

О-370 избегал их взглядов. Если им хочется прожить всю свою жизнь, не испытав ни капельки приключений, это их дело.

А у него будет своя история.

О-370 нацелился носом на бочку с едой и стрелой помчался по щекочущим травам. Лапы то и дело спотыкались на невидимых кочках лужайки. Колени ныли, от холодной росы на лапах немели подушечки. Но он мчался не останавливаясь, чтобы поскорее оказаться в укрытии фермерского дома. Свобода пугающе будоражила все ощущения. Сердце ёкнуло. Это ветер взъерошил травы. Тени по сторонам выпустили когти.

До бочки с едой оставалось ещё хвостов двадцать, как вдруг что-то зарокотало и заставило его остановиться. Он медленно повернул голову. Приподнял переднюю лапу. Там, между домом и грубо сколоченной будкой, стоял грузовик Фермера. На мгновение О-370 показалось, что Фермер забыл выключить двигатель. И тут,

в тени грузовика, он заметил лохматую фигуру. Гризлер лежал под грузовиком и громко храпел, точно мотор. Губы у пса тряслись и брызгали струями слюны. В воздухе стоял густой мясной запах собачьего дыхания.

О-370 постоял, глядя на Гризлера — не проснётся ли? Считается, что лисы быстрее собак, да и Гризлер был псом неуклюжим, грузным, однако за всю свою жизнь О-370 никогда не ходил так далеко — на целые подвора. Колени болели так сильно, что не побежишь, а лёгкие едва не вываливались из пасти.

Гризлер храпел не переставая, но в ушах О-370 гудело сомнение. Он осмотрелся вокруг, отыскивая не такое опасное приключение, и вдруг заметил, что из-за фермерского дома торчит что-то странное.

Это оказалось огромным ухом.

Он пошагал прочь от Гризлера и от бочки с едой, обошёл дом и выскочил на дорогу. Высоко в небе висела картинка — гигантская лисья морда с прищуренными глазами. Морда радостно улыбалась — в точности как человек, — а язык у неё свешивался на подбородок. По низу шли какие-то буквы — в точности как на бирке, торчавшей в ухе О-370, — но прочитывать их он не мог.

Там, где заканчивалась дорога, — под лисьей мордой с прищуренными глазами, — его взгляд привлекло ещё кое-что. И когда он понял, что перед ним предстало, сердце лихорадочно заколотилось. Перед ним, сбоку от фермерского дома, стоял Белый Сарай, только развёрнутый к нему другой стороной. Он прошёлся взглядом по доскам, из которых были сколочены стены.

Он-то думал, что Сарай углубляется в лес, насколько хватает глаз. Но Сарай обрывался всего в нескольких дюжинах хвостов от входной двери, да и в ширину оказался не больше, чем в длину.

О-370 уставился на Сарай, который был гораздо меньше, чем ему представлялось, и один за другим в голове вспыхивали пламенем вопросы. Как там могли уместиться все их предки? Что хотела сказать Ферн, когда говорила, будто лисы больше никогда не смогут бегать? И почему от их с Н-211 шубок не полетели искры, когда им наконец подвернулась возможность подраться?

О-370 потрусил к Сараю, чтобы всё выяснить. Несмотря на нестерпимое желание приключений, он — надо это признать — будет счастлив снова увидеться с мамой. После щенячьего загона они так и не виделись.

С каждым шагом дорога становилась как будто длиннее и длиннее, а Белый Сарай разрастался всё больше и больше и наконец почти заполнил собой небо. Причудливый домик, что гнезвился среди деревьев, теперь нависал башенной громадой, её старый остов скрипел на ветру. Вблизи Сарай выглядел иначе. Белые доски оказались облезлыми и серыми, а из щелей между ними сочилась тьма.

О-370 подошёл к краю лужайки и встал на сухой клочок земли под венцом крыши Сарая. Он принялся — вдруг почуете запах А-947. Но пахло лишь сыростью, облупившейся краской и чуть-чуть дымом.

Надеясь, что Н-211 смотрит, О-370 неспешно подошёл к огромной двустворчатой двери. Он попробовал

распахнуть дверь настежь, как это делал Фермер, но она даже не шелохнулась. Тогда О-370 сунул голову в узкую щель под створками двери.

В Сарая было темно. Бурой, как песок, темнотой. В затхлом воздухе пахло грязью и плесенью. Сквозь них пробивался, покалывая ноздри, ещё один запах — электрический. Ветер, угодив между досок, жалобно подвывал.

О-370 поспешно вытащил голову наружу и повертел ушами, прислушиваясь к лужайке. Гризлер по-прежнему храпел под грузовиком. Листья тихонечко шелестели. Скрипела вывеска с улыбающейся лисой. В фермерском доме стояла тишина. Пристальным взглядом О-370 оглядел норы и увидел Н-211 — пушистое облачко вдалеке.

— *Хм*, — сказал О-370, надеясь, что двоюродный брат его слышит.

Он снова засунул голову под двери Сарая, ёрзая, распластался на пороге и с трудом втиснул тело внутрь. Он оказался в пыльной темноте. Лунный свет заползал под двери, точно туман.

Воздух внутри был холоднее. Все запахи смешивались между собой. Из-под дерева, плесени и колючести к нему пробивался ещё запах меха, но никаких лис не было видно. Тёмный и пустой, Сарай вытянулся в длину. Лунный свет не проникал далеко.

— Есть кто-нибудь? — прошептал в темноту О-370.

В тишине от натуги сводило уши.

— Девятьсот сорок седьмой!

у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!

Только ветер просвистел сквозь щели в ответ. Боль сменилась дрожью. Никаких лис внутри не было. Неужели он сам всё испортил, подумал О-370. Украдкой пробрался в Сарай. Ушёл из норы. Сцепился с двоюродным братом. Он даже вдруг пожалел, что вообще начал раскачивать это ведро.

Чем дальше О-370 всматривался, тем яснее проступал изнутри Сарай. Очертания всплывали в темноте, точно кости к поверхности воды. Тонкая полоска лунного света сияла на ведре, забрызганном чёрным, на ручке висели перчатки Фермера. В ведре что-то было. Что-то жидкое и блестящее и пахло солёным.

В углу напротив стоял большой железный ящик. О-370 искоса разглядывал его рукоятки, датчики, длинные тонкие провода. Ящик гудел и пах чем-то тёплым. По бокам у него были прорези, которые выдавались наружу, как рыбы жабры. В его сердце свивались кольцами черви электричества. Голубые. От них покалывало в носу и сердце колотилось о рёбра.

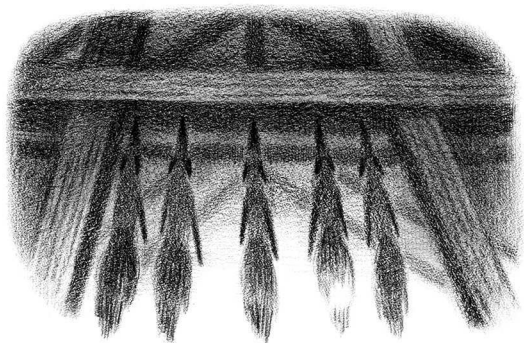
У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У!

Ветер просвистел между неровных досок Сарая, в темноте над головой закачались тени. О-370 посмотрел вверх. На стропилах что-то висело. Что-то не одно — *много*.

Он сощурил глаза, вглядываясь в размытые очертания, что колыхались в вышине. Они были красновато-оранжевыми. Тонкими и пушистыми, как одеяла. Одно было рыжеватое, точно *жёлудь*, с чёрными треугольниками поверху. А снизу свисало что-то длинное, пышное, с белым, как луна, кончиком...

О-370 отступил назад. Лисы. Висят на стропилах.
Только внутри у них ничего нет. Ни глаз. Ни костей.
Ни языка. Нечем даже позвать на помощь.

От этого зрелища у О-370 сдавило грудь и оборвало
дыхание. Вместо лисёныша закричал ветер.

6

— УЖЕ ВЕРНУЛСЯ? Хи-хи-хи.
— Повидал мистера Шорка, лисёныш?

— Не-е-ет, он повидал старину Гризлера. Только посмотрите на белки глаз!

— Забирайся в нору, малыш! Пока Фермер тебя не увидел.

О-370 ковылял назад к разрушенной норе, не обращая внимания на самок. Дойдя до норы, он посмотрел вверх, и сердце ухнуло в пятки. Слишком высоко — не допрыгнуть.

Н-211 свесил через край морду:

— Вернулся!

— Цел и невредим, — поддакнула через сетку П-838. — Повидал предков? Прогнали они тебя из Сарая навеки?

У О-370 иссякли слова. Нижняя губа затряслась.

— Ты попробовал персики и сороконожки? — с любопытством в глазах спросил Н-211. — Как там Девятьсот сорок седьмой?

«У А-947 больше нет тела», — подумал О-370, и вдоль позвоночника пробежали мурашки.

Он посмотрел на Белый Сарай, который сиял в лунном свете, точно безглазый череп.

— Триста семидесятый! — окликнула его П-838.

Его глаза снова обратились к сетчатым норам. И он вдруг догадался, что это никакие не норы. Это клетки. Сетка нужна не за тем, чтобы оберегать лис. Она нужна, чтобы не дать им сбежать. А на бирках указаны не имена, а порядок, в котором лисы отправятся в Сарай, чтобы Фермер мог..

— Эй, — воскликнула П-838. — Ты теперь такой гордый, что после Сарая не желаешь даже разговаривать с нами?

О-370 посмотрел снизу вверх на неё, на двоюродного брата и на какое-то мгновение с ужасом увидел их перед собой без шкур. Мясо, зубы, глаза, лишённые век. То же самое, что блестело в ведре.

— Они... — выдавил он из себя. — Они выбрасывают остальное.

— Кто что выбрасывает? — спросила П-838. — Мозги тебе выбросили? Говори яснее.

Морда у О-370 словно окоченела. Он хотел, чтобы вся эта история поскорее закончилась.

— Почему у тебя из губы кровь? — спросил Н-211.

Собираясь уходить из Сарая, О-370 обнюхал железный ящик, принялся к Голубому, что трепетало в железном сердце.

Это, наверное, от него шёл колючий запах, от него стояли торчком усы. Это, наверное, из него вспыхнуло Голубым, когда альфы оказались в Сарая. Что бы то ни было, О-370 теперь знал: это и есть та самая

машина, которая отняла жизнь А-947. Точно так же, как у сотен лис до него. У тысяч.

«Живодёр», — подумал О-370.

Он решил уничтожить машину. Но едва он набросился на её железные стенки, острый край разрезал ему губу.

— Нам надо выбираться отсюда, — прошептал О-370.

— Выбираться откуда? — спросила П-838.

— Из клеток, — рявкнул в ответ О-370. — И бежать подальше от Фермы!

— Из клеток? — переспросила П-838.

Н-211 поник головой.

— Нам... — О-370 пытался найти слова. Но слова не шли. Он решительно заглянул двоюродному брату в глаза: — Поверь мне, Двести одиннадцатый. Надо уходить. *Сейчас же.*

— Я... я не могу, — ответил Н-211, перенося вес тела с передней лапы. — У меня заноза.

— А я бы и рада пойти с тобой, — сказала П-838, выгибая спину и вытянув ноги, — да только моя-то нора всё ещё стоит, так что мне придётся остаться, получать еду два раза в день и ждать, когда я отправлюсь в Белый Сарай, чтобы во веки вечные есть персики и сороконожки со всеми нашими друзьями и родными. Вот досада!

О-370 вдруг догадался, что лисы невольно подыгрывают Фермеру. Они верят, что люди добры, что Ферма — это рай. Они пересказывают молодым истории, чтобы у тех от страха облетела с усов вся дикость,

и чтобы они не вступали в драку, когда Фермер придёт за ними.

П-838 поудобнее сложила лапы вокруг живота, и у О-370 сжалось сердце. Скоро ей отправляться в щелячий загон, там она родит, а потом её отведут в Сарай. Её лисёныши станут жить в клетках, пока не отрастят густой мех, и тогда всех недоростков и всех омег уведут, а все альфы и беты станут производителями и рассказчиками, и жизнь так и будет идти по кругу, луна за луной.

О-370 вскочил и упёрся лапами в деревянную подпорку, надеясь, что она опрокинется, и вместе с ней упадут все клетки. Подпорка не шелохнулась.

— Помогай, Двести одиннадцатый! — крикнул он двоюродному брату и снова ударил в подпорку. — Грызи сетку к Восемьсот тридцать восьмой! Надо вытаскивать всех отсюда!

Но Н-211 только сидел, склонив голову, и смотрел, как О-370 вгрызается зубами в деревянный столб и пытается разломать, отгрызая щепку за щепкой.

— Мы не потерпим никакой твоей дикости, лисёныш! — воскликнула самка-производитель из клетки чуть дальше по ряду.

— Ты сам запрыгнешь обратно в нору, когда поймёшь, что так будет лучше, — прибавила другая.

— Давай, малыш! Полезай обратно!

Но О-370 глодал столб и не думал останавливаться.

— Прекрати, Триста семидесятый! — сказала сверху П-838. — Объясни, что происходит.

Дерево не поддавалось. О-370 стало казаться, что зубы вот-вот повыскакивают из дёсен.

Он тяжело плюхнулся на землю и жалобно заскулил. Надо убедить лис, что им грозит опасность. Надо рассказать им правду.

— Люди... — заговорил он, задыхаясь. — Они-они-они... — Он напряг морду и заставил губы выговаривать слова. — Они отбирают у нас шкуры. Вот почему мы здесь. На Ферме. Фермер отобрал шкуру у Девятьсот сорок седьмого. Стянул прямо с костей. Она висит в Сарае — я видел.

П-838 фыркнула. Н-211 слушал, наморщив брови.

— Эй! — крикнула одна из самок-производителей. — Мы не шутим.

— Полезай обратно в нору, пока не навлѣк на всех беду!

О-370 сделал вид, что не слышит.

— Не было там ни пира, ни предков, вообще ничего, — прошептал он. — Только большой железный ящик с проводами и трубками. И шкуры. И...

Сдавило горло. Он не мог рассказать им про ведро.

На этот раз П-838 расхохоталась открыто:

— Шкура — это не человеческая одежда. Её просто так *не снимешь*. — Она укусила себя за ляжку и потянула, чтобы показать. — Видишь? Не слезла.

— *Я же серьёзно, к бреху!* — рявкнул на неё О-370.

П-838 щёлкнула языком:

— Тебе повезло, что здесь нет Девятьсот сорок седьмого и он не слышит, что ты несёшь.

Да А-947 вообще больше ничего никогда не услышит, вдруг догадался О-370. Его уши сняли со шкурой.

— Но... — заговорил Н-211. — Люди же добрые. Беатрис Поттер приютила когда-то Мию.

О-370 содрогнулся. В первый раз в жизни он задумался: а вдруг эта история страшнее, чем лисы на Ферме себе представляют?

— Полезай в нору, лисёныш! — завопила одна из самок-производителей. — Сейчас же!

— Цепляйся за порванную сетку!

— Так или эдак. Только полезай обратно наверх!

О-370 посмотрел на двоюродного брата.

— Ты веришь мне, Двести одиннадцатый?

Н-211 уставился ему прямо в глаза, словно хотел увидеть то, что видел О-370.

— Сейчас же, малыш!

— Пока не проснулся Фермер!

Самки-производители рывками не переставая, сыпали угрозами и уговорами, а О-370 смотрел на двоюродного брата умоляющим взглядом. Он был полон решимости убедить его. Даже если на это уйдёт вся ночь.

ЩЁЛК!

Мех на лице Н-211 осветился, и голова О-370 резко повернулась назад.

На веранде зажёгся свет.

— Фермер проснулся, — небрежно бросила П-838. — Видимо, самки-производители разбудили.

И, не сводя от ужаса глаз, О-370 смотрел, как в фермерском доме открывается дверь.